

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО РАБОТАЮЩЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Азер Гамидович Эфендиев (efendiev@hse.ru),
Станислав Дмитриевич Резкий

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Эфендиев А.Г., Резкий С.Д. (2022) Социальное неравенство работающей российской молодежи: факторы и механизмы формирования и развития. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(2): 176–213.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.8>

Аннотация. На основе эмпирических данных проведен многоплановый анализ социального неравенства работающей (по найму) российской молодежи. Изучаются особенности этого неравенства в сферах материально-имущественного положения, доступа к образовательным ресурсам, престижности профессии и должностного статуса молодых людей. На основе многомерного подхода эмпирически выделены основные страты работающей молодежи. В центре исследования находится анализ факторов, условий, порождающих социальное неравенство в рядах работающей молодежи. Выявлены основные противоречия процесса формирования и развития социального неравенства между меритократическими по своей природе факторами и традиционалистскими факторами и возможностями, которые молодой человек наследует в том числе от своих родителей.

Ключевые слова: работающая (по найму) молодежь, социальное неравенство, социальная стратификация, критерии социального неравенства и стратификации, факторы социального неравенства.

Актуальность исследования и постановка проблемы

Проблема социального неравенства не первое десятилетие выступает в качестве объекта общественного и научного интереса. В современных условиях бурное развитие миграции, гендерные, расовые и религиозные конфликты, деградация окружающей среды, масштабная цифровизация, не говоря уже об актуальной ковидной пандемии, обострили классические, в том числе классово-структурные, и породили ряд ранее не наблюдавшихся форм социального неравенства.

Углубление социального неравенства характерно и для современных постсоветских обществ, в частности российского. К концу первой четверти

XXI в. в странах СНГ завершается институциональное оформление новой социальной организации общества. На пространстве бывшего СССР с его ориентированностью на социальные равенство и однородность стали формироваться режимы, многие из которых характеризуются небывало высоким уровнем дифференциации (поляризации) общества. Углубляющееся во многих постсоветских странах социальное неравенство, доминирующая кланово-олигархическая социальная структура порождают у большинства чувство несправедливости принципов распределения национального богатства, сложившихся общественных порядков, их нелегитимности, создают основу для социально-политических конфликтов и протестов.

Исследование социального неравенства и социальной стратификации — одна из ключевых и классических тем социологии. При этом, по общему признанию, это одна из немногих социологических проблем, имеющих значительный социально-политический резонанс. Социальное неравенство, расслоение общества на страты, поляризация общества на привилегированных богатых и бесправных бедных как в XIX, так и в XX и XXI вв. становились предметом идеологических споров, формировали оппозиционные настроения, выступали мотивом социальных протестных движений и революций.

Научное исследование социального неравенства основывается на признании внутреннего антагонизма, характерного для данного социального феномена. С одной стороны, социальное неравенство в тех случаях, когда речь идет о социальных преимуществах, достигнутых благодаря личной активности актора (а не благодаря клановым и родственным связям, коррупции и т.п.), является необходимым условием функционирования и развития общества. С другой стороны, неизбежность социальных различий потенциально чревата поляризацией общества, социальным антагонизмом между представителями различных слоев. Такие тенденции проявляются тем сильнее, чем более непроницаемыми становятся границы между стратами и более несовершенными — лифты социальной мобильности. В вопросах обладания социальными преимуществами начинают доминировать клановые, родственные, коррупционные факторы. Сложившаяся социальная структура в этом случае начинает утрачивать в глазах масс признаки справедливости и легитимности со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до активности по переустройству общества.

Социальное неравенство — явление управляемое. Речь идет о поиске баланса между неравенством как (в позитивном варианте) триггером индивидуальной активности и общественного развития и неравенством

как фактором, порождающим социальную неудовлетворенность и несправедливость. Реализация этой стратегии может найти свое проявление в прогрессивной шкале налогообложения и других инструментах перераспределения общественного богатства. Решающее значение имеет создание социальных механизмов формирования заслуженных преимуществ и привилегий на основе справедливой конкуренции способностей и квалификации, обеспечивающих проницаемость границ социальных страт, социальную мобильность и лифты социально-статусного продвижения.

Постановка проблемы. В последнее время как отечественный, так и зарубежный научный дискурс по вопросам социального неравенства, на наш взгляд, в большей мере ориентирован на дескриптивный анализ ситуации, заключающийся в констатации реального уровня неравенства. Как правило, в основе подобного рода исследований лежит имущественно-материальный анализ, получивший, по нашему мнению, наибольшее теоретическое, методологическое и инструментальное развитие, по которому у значительной части исследователей существует консенсус (коэффициент Джини). Хотя и здесь нередко встречаются факты подгонки результатов, их интерпретации под определенные политические и практические цели.

Не принося высокой общественной и гражданской значимости подобного дискурса, остановимся на сугубо научно-исследовательской стратегии — углубленном анализе, изучении механизмов, факторов становления и развития неравенства в современном российском обществе.

Такой ракурс проблемы (а мы его считаем определяющим) не имеет еще достаточного освещения. Здесь мы сталкиваемся с самыми различными схемами анализа. Нередко предлагаемые авторами критерии имеют слабую теоретическую обоснованность, а сам методологический инструментарий достаточно «непрозрачен», что в определенной степени препятствует возможностям верификации и последующего развития анализа. В некоторой степени можно также говорить о проблеме поверхностности результатов, что не в последнюю очередь обусловливается используемыми для анализа данными: подчас применяются результаты мониторинговых исследований, изучающих крайне ограниченный набор стратификационных индикаторов.

Применительно к российскому обществу обращает на себя внимание проблема соотношения *наследуемых* (аскриптивных) и *приобретенных* (достиженческих) факторов социального неравенства. Исследователи указывают, что к 2010-м годам резко возросла значимость фактора социального происхождения индивида, статуса его родительской семьи. Делается вывод об отдалении современного российского общества от мери-

тократического идеала, закрытии в нем лифтов социальной мобильности (Тихонова 2014: 358) и более «сословном» характере неравенства в российском обществе (Ястребов 2011: 29). Не отрицая сложности и противоречивости феномена социального неравенства в (современном) российском обществе, тем не менее, с нашей точки зрения, за указанием на значимость наследуемых (аскриптивных) факторов остается непроясненной роль ненаследуемых — достигенческих (приобретенных), а также лично-мотивационных факторов.

В этой связи в центре реализуемой нами научно-исследовательской стратегии находится ответ на вопрос: насколько преимущество/ущербность имеющихся у актора социальных условий и возможностей обуславливается *наследуемыми* факторами, независимыми от усилий, достижений самого актора, и/или, наоборот, *приобретенными* факторами, которые актор приобретает благодаря собственным усилиям, активности, моральным и деловым качествам.

Данная цель обусловила и некоторые особенности нашего анализа, в частности выбор эмпирического объекта — представителей российской работающей (по найму) молодежи (от 20 до 30 лет). На примере молодежи, с нашей точки зрения, представляется возможным анализировать влияние основных факторов (как наследуемых, так и приобретенных и личностных) в более «чистом» виде, что фактически подразумевает исследование становления, генезиса социального неравенства. У взрослого же населения данные аспекты носят во многом «снятый», «скрытый» пластами времени и уходящий в молодые годы, в первые шаги на трудовой стезе характер.

Фокус на работающей молодежи объясняется тем, что именно она имеет самостоятельный источник благосостояния. В этом ее отличие от учащейся молодежи, которая еще не в полной мере ответственна за свое материальное положение и соответственно не полностью социально самостоятельна и дееспособна как субъект социальных отношений. Более того, в отличие от учащейся молодежи, представляется возможным наиболее однозначно оценить роль, в частности, социального статуса родителей, уровня образования при трудоустройстве или назначении на должность. Здесь же в большей степени удается проследить роль фактора конкретной работы, организации, что преимущественно остается вне поля зрения при изучении фрилансеров, работающих по договорам, и т.д.

К вышесказанным аргументам следует добавить сугубо юнологический — важно изучить внутреннюю социальную неоднородность молодежи, особенно роль наиболее значимых факторов социальной дифференциации работающей молодежи.

Говоря про выбранный нами возрастной диапазон, отметим, что наличие определенных контрастов между 20–30-летними работающими молодыми людьми проявляется прежде всего в различиях по признаку занимаемой должности, а также уровня образования, которые достаточно тщательно проанализированы нами ниже. При этом доля 20–22-летних среди опрошенных работающих молодых людей составила всего 8 %, среднее по выборке — 27,1 лет, а медиана — 28 лет.

Молодежь в контексте проблемы социального неравенства. Следует отметить, что актуальные отечественные и зарубежные исследования, посвященные молодежной проблематике, на наш взгляд, развиваются в схожих направлениях. Одно из основных отличий заключается в сравнительно большем количестве подобного рода исследований в зарубежной литературе, в частности западной. При этом как в России, так и за рубежом большей популярностью пользуется изучение именно учащейся и студенческой молодежи.

В первую очередь внимание привлекает рост исследований, посвященных новым формам социального неравенства, в том числе в аспектах доступа к цифровым технологиям и состояния здоровья (Падиарова 2009; Hargittai, Hinnant 2008). Еще большее развитие приобрел анализ гендерного и расового неравенств (O'Reilly et al. 2017), при этом среди отечественных авторов эта проблематика имеет меньшую развитость и часто сводится к оценке субъективных представлений (Осипова 2009).

По-прежнему актуально изучение неравенства в сфере образования, в частности авторами проблематизируется система (высшего) образования как способствующая сохранению социальной дифференциации (Antonucci 2016; Konstantinovskiy 2017). Применительно к российской действительности отмечается усиление антагонизма между рынком образовательных услуг и требованиями к специалистам, предъявляемыми рынком труда (Гнатюк и др. 2018).

В свою очередь, наибольшее распространение как в отечественной, так и в зарубежной литературе получил имущественно-экономический анализ положения молодых людей. При этом экономическая дифференциация среди молодежи все в большей мере имеет своим следствием усиление социальной индифферентности ее представителей, что в последующем находит отражение в неудовлетворенности социальными порядками, незаинтересованности в гражданском участии и т.п. (Browman 2019). Подобная «обездоленность» молодежи, несмотря на указанную индифферентность, также чревата ее последующей маргинализацией и радикализацией (Сериков 2020).

Примечательно также изменение (трудовых) ценностей молодого поколения в контексте современной социально-экономической ситуации

в России. Авторами подчеркивается девальвация духовно-нравственной составляющей труда и большее закрепление его прагматической и материальной ориентированности, увеличение рисков депрофессионализации молодых работников (Гнатюк, Печкуров 2015; Мухина 2017). С этой точки зрения, как показывает одно из наших исследований, ситуация представляется более сложной: несмотря на указания о неких отличиях в стилистике поведения, определенном иждивенчестве современных молодых людей, существенных различий в ключевых аспектах трудового поведения, связанного с нормами трудовой морали, с (эмпирическими) данными о трудовом поведении предыдущих поколений не обнаружено (Эфендиев, Чермошнцева 2020).

Теоретические и методологические подходы

1. *Социальное неравенство* рассматривается нами как один из классов явлений, подпадающих под понятие «социальные различия» (дифференциация). Последние, используя терминологию П. Сорокина (Сорокин 2005), включают в себя различия как «по вертикали», так и «по горизонтали». Первые — различия, ведущие «к неодинаковой доступности значимых ресурсов в условиях их ограниченности» (Тихонова 2014: 10) и тем самым порождающие серьезные социальные преимущества одних акторов перед другими. В свою очередь, различия «по горизонтали» — те, которые не порождают превосходство или приниженность: разнообразие вкусов, склонностей, пристрастий и т.д.

2. Исследование проблемы социального неравенства осуществляется нами посредством как одномерного, так и многомерного подходов.

М. Вебер, отказавшись от марксистского сведения социального неравенства и стратификации сугубо к имущественно-материальному критерию, предложил многомерный подход к анализу этого социального феномена. Он отмечал, что стратификация по статусам связана с «монополизацией (присвоением. — А.Э., С.Р.) идеальных и материальных товаров и возможностей» (Вебер 1992: 152). Однако материальная монополия сама по себе не всегда является достаточным условием для исключительности статусной группы (Вебер 1992: 152). При этом термином социальный статус¹ обозначаются «реальные притязания... на привилегии», основывающиеся на следующих критериях: «а) образ жизни, 2) формальное образование, заключающееся в практическом или теоретическом обучении

---

¹ Т. Парсонс в примечании отмечает труднопереводимый смысл термина «социальный статус» у М. Вебера, предлагая разделять группу критериев статуса и дополнительно к ним — общий образ жизни (Вебер 1992: 156).

и усвоении соответствующего образа жизни (т.е. образ жизни понимается как производное от образования. — А.Э., С.Р.), 3) престиж... профессии» (Вебер 1992: 156).

В последующем многомерный подход, предполагающий, что социальные позиции акторов обуславливаются комплексом критериев, нашел развитие в работах П. Сорокина (Сорокин 2005), представителей структурного функционализма (Парсонс 1992а; Barber 1957; Дэвис, Мур 1992; Уорнер 1997), неомарксизма (Wright 2005), неовеберизма (Runciman 2018), представителей теории социального капитала (например, П. Бурдьё), а также у ряда других исследователей.

Несмотря на то что в академической среде к настоящему времени так и не выработался консенсус относительно того, на основе каких критериев подходить к изучению феномена социального неравенства, многообразие используемых различными авторами параметров так или иначе сводится к четырем классическим (со времен М. Вебера) базовым: доход, образование, престиж профессии и власть.

В контексте нашего исследования, ориентированного на углубленный и многоплановый анализ проблемы социального неравенства, первоначально детально изучаются выделенные выше базовые параметры, а затем на их основе выстраивается многомерная стратификация работающей молодежи.

3. Говоря про набор показателей страт, необходимо обозначить следующие моменты.

Во-первых, на наш взгляд, целесообразно разводить базовые критерии и производные.

Подобное разведение особенно необходимо в ходе эмпирического анализа. Если базовые критерии носят относительно неочечный характер, основываются на практике респондента или фиксируют определенный факт (уровень базового образования, должность и т.д.), то производные критерии имеют дополнительно-вспомогательный характер, являются своеобразным следствием — образ мыслей, жизненные приоритеты, правила, которыми руководствуются респонденты. Их целесообразно, на наш взгляд, изучать применительно к уже выделенным стратам.

Во-вторых, необходимо понимать, что социальная стратификация носит исторический характер. В процессе общественного развития происходит изменение системы факторов формирования социального неравенства (сословно-аскриптивная модель сменяется достиженческой) и трансформация критериев стратификации, заключающаяся в появлении новых, усилении одних и ослаблении других стратификационных факторов.

В-третьих, критерии социальной стратификации (прежде всего их иерархия) решающим образом зависят от объекта стратификации. Так, для стратификации работающей молодежи (в отличие от взрослого населения), значение критерия обладания властью нивелируется. Такая стратификация носит неустойчивый, переходный характер. Сама иерархия, ее властно-авторитетная составляющая будет иметь меньшую значимость, в то же время значение таких критериев, как уровень образования, особенно престиж профессии, будет резко возрастать.

Изменения в системе критериев происходят и при анализе самой молодежи. Так, для работающей молодежи критерий уровня образования — один из ведущих. Его значение нивелируется при исследовании студенчества: все его представители будут иметь одинаковый уровень образования. Другое дело — престиж специальности (будущей профессии), престиж вуза и т.д.

4. Таким образом, в предложенной работе исследуются проблемы социального неравенства работающей российской молодежи с точки зрения:

- материально-имущественного неравенства; в качестве зависимой переменной выступает уровень материального благосостояния респондента (самооценка от 1 до 5);
- образовательного неравенства; в качестве главной зависимой переменной выступает уровень базового образования: 1) 9 классов средней школы; 2) 11 классов средней школы; 3) ПТУ (лицей); 4) техникум (колледж); 5) вуз;
- неравенства социальных преимуществ профессии; в качестве зависимой переменной выступают характеристики профессий, данные респондентом: насколько хорошо она оплачивается (от 1 до 5), насколько она пользуется признанием (от 1 до 5), постоянно развивается (от 1 до 5) и т.д.;
- авторитетно-властной характеристики занимаемой должности — рядовой работник (рабочий, водитель, сантехник, медсестра, лаборант), специалист (инженер, конструктор, менеджер, врач, преподаватель), руководитель (базового звена и выше).

На основе кластерного анализа по вышеупомянутым зависимым переменным также проведена многомерная стратификация исследованной работающей молодежи. Выделены три страты (слоя): высший, средний, низший.

В качестве факторов (предикторов) становления и развития социального неравенства рассматриваются следующие три группы индикаторов.

Наследуемые (аскриптивные) факторы:

- сельский/городской житель (до окончания школы);
- приезжий/местный житель (до окончания школы);

- социальный (профессиональный) статус отца/матери (рядовой работник, специалист, руководитель низшего/высшего звена);
  - помощь родителей: материальная, содействием, связями и т.д. (от 1 до 5).
- Приобретенные в результате деятельности актора факторы:
- характеристика трудоустройства — кластерная модель (высший кластер: сыграли очень большую роль при трудоустройстве или назначении на должность связи, содействие родителей; образование, соответствующее специальности; профессиональный успех; средний кластер: большое значение имело только образование, соответствующее специальности; низший: ничего не имело большого значения);
  - соответствие образования профилю специальности: от 1 (совсем не соответствует) до 5 (полностью соответствует);
  - характеристика профессии (см. выше);
  - характеристика места работы, должности (см. выше) и удовлетворенность карьерой: от 1 (совсем не удовлетворяет) до 9 (полностью удовлетворяет).
- Личностные факторы:
- ценностные приоритеты (от 1 до 5);
  - правила, которых респондент придерживается в жизни, на работе (от 1 до 5).

Методы анализа

Для эмпирического анализа проблем социального неравенства, его отдельных показателей и многомерной стратификации мы использовали корреляционный и дисперсионный анализ. Изучение факторов формирования социального неравенства и стратификации осуществлялось с помощью линейных регрессионных множественных моделей, в которых тот или иной аспект неравенства, модель стратификации были представлены в качестве зависимых переменных, а факторы — в качестве независимых переменных (предикторов). В отличие от анализа причинно-следственных связей, выявленных в ходе панельных исследований, где, как показал наш исследовательский опыт (Эфендиев и др. 2017) необходимо выделить один значимый фактор, введение которого объясняет изменение изучаемого социального феномена, регрессионная множественная модель позволяет оперировать *системой* значимых факторов и анализировать их иерархию.

Выборка и методы сбора данных

Эмпирическую базу исследования составляют данные репрезентативного опроса, который проводился сентябре-ноябре 2019 г. в рамках

исследования трудовой морали и практик работающей российской молодежи (Эфендиев, Чермошнцева 2020). Квоты для формирования выборки определялись с учетом количества занятых среди молодежи в отраслевом и региональном разрезах (данные Росстата). Итоговый объем выборки составил 1121 человек (рядовые работники и специалисты в возрасте от 20 до 30 лет), проживающих в девяти крупных округах России и постоянно занятых в 13 ключевых отраслях (табл. 1).

Исследование было проведено в конце 2019 г., в последний предпандемийный период. Произошедшие в ковидные годы изменения уровня жизни и на рынке труда, на наш взгляд, во многом обострили те проблемы социального неравенства, в том числе среди молодежи, которые имели место в допандемийный период. Усилился процесс поляризации общества, рост материальных ресурсов у богатых, дальнейшее обнищание бедных. Особую важность для нашего исследования имеет ускорение процесса цифровизации, что еще более усилило значение современных компетенций у молодых работников и фактора профессии, специальности в процессах социальной стратификации молодых людей.

Таблица 1

Критерии выборки

Округ	N	%	Отрасли занятости
Москва	137	12,2	Обрабатывающее производство; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство; оптовая и розничная торговля; транспорт и связь; операции с недвижимым имуществом; финансы и страхование; услуги по информационным технологиям (информационные технологии (IT), телеком); ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; легкая и пищевая промышленность; образование; здравоохранение; государственное и муниципальное управление
ЦФО	205	18,3	
СЗФО	142	12,7	
ЮФО	127	11,3	
СКФО	21	1,9	
ПФО	189	16,9	
УФО	103	9,2	
СФО	117	10,4	
ДВФО	80	7,1	
Всего	1121	100,0	

Материальное неравенство работающей молодежи

Материальная дифференциация — традиционный объект исследования социального неравенства как отечественной, так и мировой науки. Анализ материального неравенства делает акцент на проблеме бедности, имущественной поляризации общества, зачастую опираясь на серьезные

статистическо-демографические масштабные базы данных (Castellano, Manna, Punzo 2016). В нашей работе анализ материального неравенства выступает лишь одним из аспектов изучения социального неравенства как многомерного явления.

Важно понимать, что трудовая молодежь — это работающие, т.е. зарабатывающие, а не учащиеся юноши и девушки. Это поколение людей, находящихся в физическом и энергетическом отношении на уровне, в чем-то превосходящем людей старшего поколения, особенно пожилых.

Как показал анализ, работающая молодежь оказалась достаточно однородной как по стажу, так и в должностном разрезе. Буквально единицы приобрели статус руководителей, остальные — подчиненные.

Примем во внимание и другие социально-демографические особенности трудовой молодежи, влияющие на ее благосостояние. В рамках исследования выявлено, что у 57 % опрошенных нет детей, у остальных — дети младшего возраста, содержание, воспитание и обучение которых не требует особых материальных затрат.

Необходимо учитывать и «возрастные» последствия процесса внедрения цифровых технологий во все отрасли народного хозяйства и общества в целом. Цифровая продвинутость нынешнего поколения молодежи резко повысила спрос на замещение ключевых позиций молодыми специалистами. По расчетам ВНИИ труда (Независимая газета 2021), пик заработной платы сегодня приходится на работников 30-ти лет; 30-летние зарабатывают почти на 10 % больше, чем 40-летние, на 20 % больше, чем 50-летние. Сказывается не столько эффект «молодых профессий» (в IT сегодня занято всего 2 % работников), сколько повсеместная востребованность «молодых» компетенций в народном хозяйстве.

Анализ подтвердил ожидание общего благополучного и в то же время слабо поляризованного материального положения исследованной работающей молодежи — 85,6 % респондентов (по самооценке) живут на среднем и даже выше среднего уровня. В то же время выявлена прослойка живущих на уровне крайней бедности (8,3 %) и откровенно богатых молодых людей, которые «ни в чем себе не отказывают» (5,2 %).

Говоря про различия социальных портретов бедствующих и высокоблагополучных молодых людей, отметим, что портрет бедствующих по гендерной, возрастной, семейно-брачной структуре и месту происхождения мало отличается от высокоблагополучных. Но жизнь в одиночестве, без родителей, могут себе позволить прежде всего высокоблагополучные (32,8 против 20,4 %).

Среди отцов высокоблагополучных рядовые работники составляли 3,2 %, а руководители высшего звена 11,4 % (!). Особенно убедительны

различия по социально-демографическому положению матерей. У бедствующих матери — рядовые работники в 54,7 % случаев, среди высокоблагополучных — в 29,8 %; матери — руководители низшего, среднего и высшего уровня составляли у бедствующих всего 11,3 %, среди высокоблагополучных ≈ 30 % (!).

Материальное положение бедствующих молодых работников существенно сказывается на их неудовлетворенности социальной действительностью, формирует достаточно устойчивое чувство социальной несправедливости, социальный пессимизм. И наоборот, высокоблагополучные испытывают уверенность, оптимизм.

Так, 47 % бедствующих считают, что их зарплата ниже, чем у их сверстников в этом городе (среди высокоблагополучных — 3,4 %); 26 % бедствующих считают свою зарплату несправедливой по сравнению с уровнем вознаграждения коллег по работе (среди высокоблагополучных — 2,2 %).

Среди бедствующих смотрят в будущее со страхом, тревогой и неуверенностью 26 % (!) (среди высокоблагополучных — 3,4 %).

Перейдем к рассмотрению связи материального положения с различными социальными факторами (табл. 2).

Таблица 2

Регрессионная модель предикторов материального благополучия (самооценка респондентов)²

$R^2 = 0,220$		Значимость модели 0,000
Предиктор	Коэффициент Бета	Коэффициент значимости
Наследуемые факторы		
Селянин/Горожанин	0,070	0,051
Мать	0,116	0,001
Денежная помощь родителей	-0,083	0,007
Приобретенные факторы		
Уровень образования	0,015	0,713
Должность	0,085	0,031
Трудоустройство (индекс)	0,075	0,019
Профессия материально обеспечивает	0,182	0,00

² Здесь и в других таблицах регрессионных моделей приводятся статистически значимые и, в особых случаях, незначимые факторы.

Окончание таблицы 2

Зарплата зависит от выполнения показателей	0,089	0,039
На работе содействуют моему росту	0,118	0,001
На работе стремятся закрепить меня достойной зарплатой	-0,104	0,003
Личностные факторы		
Необходимо делать лишь то, что тебе выгодно	-0,092	0,003

Зависимая переменная: как бы вы оценили уровень вашего материального благосостояния? (1 — не хватает средств на самое необходимое, приходится ограничивать себя даже в питании, 5 — мы живем очень обеспеченно, можем практически ни в чем себе не отказывать).

Регрессионный анализ убедительно свидетельствует о ведущей роли в определении уровня жизни прежде всего *профессии*, по которой трудится молодой работник, насколько эта специальность хорошо оплачивается. Причем по другим позитивным характеристикам профессии (общественное признание, необходимость постоянного профессионального развития) не выявлены значимые связи.

Вторая группа значимости факторов связана с *конкретной работой*. Начиная от а) зарплаты, которая зависит от качества работы, выполнения показателей, заканчивая тем, б) насколько содействуют на работе служебному росту молодого работника, в) закреплению его достойной зарплатой.

Большое значение, как и предполагалось, играет *занимаемая должность* респондента. Но обратим внимание, что она уступает материально-зарплатной характеристике профессии.

Завершая анализ роли приобретенных факторов в определении материального положения, отметим интересный и в то же время удручающий факт — уровень образования не выявил прямого влияния на аспект материальной дифференциации. Это обстоятельство во многом с учетом высокого уровня влияния профессии на материальное благополучие указывает, что важен не сам по себе уровень образования, а образование по востребованным профессиям. Подобное находит отражение и в работах других авторов, отмечающих усиление проблемы несоответствия предоставляемых образовательных услуг и требований рынка труда (Гнатюк и др. 2018).

Определенной неожиданностью характеризуются показатели ряда наследуемых факторов. Речь идет, во-первых, о том, что горожане (по происхождению) в смысле достижения материального благополучия выглядят куда предпочтительнее, чем селяне. Во-вторых, в процессе трудоустройства, назначения на должность материальное преимущество полу-

чает тот, кто имеет не только хорошее образование, но и содействие родственников, близких. Но главное — профессиональный статус матери респондента достаточно значимо связан с материальным положением исследованной трудовой молодежи.

Дополнительный анализ дает достаточно исчерпывающий ответ на вопрос об одном из механизмов такого влияния матери — материальная помощь. Так, среди тех, кто отметил, что материальная помощь родителей была очень важной и они достигли высокоблагополучного уровня жизни, мать — рядовой работник в 3,1 % случаев; мать — квалифицированный специалист — в 3,5 %; мать-руководитель — в 27,3 %.

Морально-личностные факторы, как показывает регрессионный анализ, выступают достаточно весомым фактором в формировании молодого человека, который достиг высокого уровня благополучия. И отрадно, что молодые люди, которые отвергают такое правило, как «необходимо делать лишь то, что тебе выгодно», добиваются при этом высокого благополучия.

Итак, механизм формирования материального благополучия среди современной российской молодежи сочетает в себе как процессы, связанные с профессиональными, организационными факторами, морально-нравственным развитием, так и процессы, которые носят скорее традиционалистский характер, ориентированы не на развитие личности, повышение уровня образования, а на использование наследуемых от родителей ресурсов для обеспечения высокого уровня благосостояния.

Образование: социальная дифференциация работающей молодежи в доступности образовательных ресурсов

Исследование дифференциации доступа к образованию нацелено на анализ процесса формирования во многом базового капитала, который в значительной степени предопределяет шансы субъекта занять то или иное статусное положение в обществе.

По своей природе образовательный ресурс имеет достиженчески-меритокрактическое содержание. Овладение знаниями предполагает немалых личных усилий, их нельзя приобрести по наследству, знакомству. Надо отличать образовательный ресурс от того, что способствует его приобретению. Положение родителей, житель ли ты (в прошлом) села, малого города или столицы, в существенной степени облегчает или осложняет доступ к этому важнейшему для трудового успеха и продвижения ресурса.

Именно уровень базового образования во многом предопределяет должностное положение. Исследование свидетельствует: среди рядовых работников 7 % окончили 9 или 11 классов средней школы, 21 % — ПТУ,

54 % — техникум, а каждый шестой (18 %) имел высшее образование. Высшее образование абсолютно доминировало лишь у специалистов (88 %), хотя и среди них 11 % закончили техникум. Что касается молодых руководителей, то среди них окончили техникум около 40 %, у остальных высшее образование.

Роль базового образования как определенного «кода доступа», предпосылки для выполнения тех или иных социальных должностных полномочий определила и логику нашего изучения предикторов уровня образования. В него не включен ряд показателей, в частности должность, которые являются прямыми (явными или латентными) последствиями наличия/отсутствия определенного уровня образования.

Таблица 3

Регрессионная модель предикторов уровня полученного образования

$R^2 = 0,261$		Значимость модели 0,000
Предиктор	Коэффициент Бета	Коэффициент значимости
Наследуемые факторы		
Отец	0,161	0,000
Мать	0,249	0,000
Приобретенные факторы		
Профессия постоянно требует развиваться	0,142	0,000
Удовлетворенность профессией	0,071	0,035
Наличие образования по специальности	0,144	0,000
Личностные факторы		
<i>Ценности:</i>		
Образованность, культура	0,090	0,003
<i>Считает, что на работе следует придерживаться следующих правил:</i>		
Работать следует в соответствие с тем, сколько тебе платят	-0,057	0,005
Необходимо принимать максимум усилий для роста своей квалификации	0,056	0,056
От молодого работника ждут привнесения новых знаний	0,086	0,004

Зависимая переменная: уровень образования: школа (9–11 кл.), колледж (ПТУ), техникум, вуз (бакалавр, специалист, магистр).

Как и ожидалось, решающее значение в получении базового образования играют семья, родители, их должностной статус. За должностным статусом родителей скрываются материальные возможности семьи, которые позволяют молодому человеку получить, к примеру, высшее образование в другом городе, не подрабатывать и т.п. Не менее важны такие характеристики, как социальные амбиции родителей (по отношению к будущей карьере своих детей), культурная атмосфера в семье, ее традиции, требования к молодому человеку, советы родителей, в том числе в выборе вуза, профиля обучения.

Большая роль родителей в получении образования и профессиональных ориентациях детей неоднократно подчеркивалась многими исследователями. К сожалению, в исследованиях не всегда раскрывается механизм того, как именно (посредством чего) родители влияют на образовательные и профессиональные позиции своих детей.

Корреляционный анализ показал, что особое значение в выборе профессии молодого человека играют, во-первых, личный пример родителей, во-вторых, их советы, рекомендации. Так, коэффициент корреляции уровня образования и признания респондента, что его выбор специальности был сделан по рекомендации родителей, если он работает по специальности, составил 0,283. О роли личного примера родителей, говорят и следующие данные: уровень образования связан с тем, что «родители шли на работу с желанием», «интересовались в журналах, интернете, книгах новинками по профессии» — в тех случаях, когда молодой человек работает по специальности, по которой он получил (в том числе благодаря влиянию родителей) образование (0,263).

Исследование выявило огромную роль ориентированности молодого человека не на образование вообще, а на образование по определенной специальности, профессии, по которой он работает. Важная роль профессиональной ориентированности образования говорит о наличии тесной связи мотивации на получение образования и мотивации на приобретение социально-востребованной профессии. Причем необязательно по профессии хорошо оплачиваемой, а прежде всего по профессии, которая требует от работника постоянного развития знаний, квалификаций.

Обращает на себя внимание, что именно при рассмотрении уровня полученного основного образования особую роль играют позитивно направленные личностные факторы, ценностные предпочтения молодого человека, позитивные установки как жить и работать, ориентированность на меритокрактические ценности, содействие росту своей квалификации и неприемлемость сугубо меркантильного отношения к работе. Сочетание

родительских факторов, профессионально-ориентированных факторов, моральных ориентаций самого молодого человека — важный момент для понимания роли, места и своеобразия образования как фактора социального продвижения, преимущества.

Профессия молодого работника в аспекте социального престижа

Классическое социологическое наследие по вопросам социального неравенства (М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс) подчеркивает особую значимость профессии человека для определения его позиций в обществе. Исследователями отмечается, что в эпоху информационного общества профессиональный статус актора (наряду с образовательным) выступает в качестве основного структурообразующего признака, в то время как материально-имущественная компонента теряет свою значимость (Дука 2005). Строго говоря, социально-профессиональная дифференциация — один из базовых критериев социальной стратификации. Она имеет самостоятельную значимость и тем самым способна оказывать значительное воздействие на структуру других стратификационных систем (Радаев, Шкаратан 1996).

Профессиональный аспект социального неравенства в условиях перехода от индустриального к постиндустриальному обществу приобретает новое звучание, вызванное как новым этапом развития процесса разделения, специализации труда, так и новым его качеством.

Престиж профессии является определенным социальным конструктом, продуктом общественного сознания, в котором отражается иерархия профессий, формирующаяся на основе оценки функциональной значимости того или иного вида деятельности, его сложности, уровня требующихся навыков, вознаграждений для его выполнения и т.п. (Дэвис, Мур 1992; Цвык 2009).

Таблица 4

Регрессионная модель предикторов удовлетворенности своей профессией

$R^2 = 0,48$		Значимость модели 0,000
Предиктор	Коэффициент Бета	Коэффициент значимости
Наследуемые факторы		
Приезжий/Местный	-0,061	0,047

Окончание таблицы 4

Приобретенные факторы		
Уровень образования	-0,011	0,749
Соответствие образования текущему профилю работы	0,088	0,005
<i>В трудоустройстве данной специальности особое значение имело:</i>		
наличие образования, соответствующей специальности	0,072	0,021
содействие родственников, знакомых в выборе профессии	0,016	0,030
кем работает	0,100	0,002
<i>Выбор профессии:</i>		
рекомендовали родители	-0,079	0,005
личные наблюдения	0,058	0,038
семейные традиции	-0,084	0,004
много знакомых в этой сфере, не будет проблем с трудоустройством	-0,069	0,015
<i>Моя профессия:</i>		
хорошо оплачивается	0,184	0,000
постоянно развивается, что требует повышения знаний	0,060	0,049
широко востребована на рынке	0,070	0,012
зарплата выше, чем у других	0,062	0,045
хотели бы сменить профессию	-0,266	0,000
содержание работы по профессии мне интересно	0,120	0,00
Личностные факторы		
Необходимо прилагать максимум для роста квалификации	0,105	0,00
Качество работы — это главное, чем работник может гордиться	0,061	0,028

Зависимая переменная: насколько вы в целом удовлетворены своей профессией (1 — не удовлетворены, 5 — полностью удовлетворены).

Таблица 4 модели линейной регрессии (с очень высоким коэффициентом детерминации $R^2 = 0,48$) демонстрирует главные факторы социального престижа профессии в глазах нынешней молодежи.

Прежде всего отметим, что удовлетворенность профессией мало зависит от наследуемых факторов. Лишь приезжие чаще довольны своей профессией. Главная интрига, позволяющая ранжировать факторы престижности, лежит в анализе системы приобретенных факторов.

Уровень образования, требуемый для престижной работы, в глазах опрошенных молодых работников не имеет особого значения. Небольшое влияние на удовлетворенность профессией имеет соответствие полученного образования данной специальности. Главным фактором, определяющим удовлетворенность профессией, является то, что она хорошо оплачивается. Другая группа факторов — творческое содержание профессиональной деятельности, ее признание в обществе, востребованность на рынке.

Профессия — это не только (а может быть, и не столько) зарплата, а нечто большее — призвание, удовлетворенность признанием и уважением. Как показал анализ, удовлетворенность профессией — многомерное явление, требующее совпадения трех основных условий: а) достойная оплата, б) интересное и творческое содержание, требующее от самого работника профессионального развития, в) социальные признание и уважение к людям этой профессии.

В целом данные таблицы свидетельствуют, что профессиональный аспект измерения социального неравенства имеет преимущественно меритократический характер. Роль традиционалистски-клановых начал в этой сфере социального неравенства мало приметна: только при трудоустройстве фактор содействия родственников имеет определенную значимость.

Выявлена еще одна тенденция: удовлетворенность профессией тесно связана с должностным положением. Чем выше должностное положение респондента, тем выше его приверженность той профессии, где он достиг признания.

Удовлетворенность/неудовлетворенность профессией, готовность, желание/нежелание ее сменить имеет четкий как отраслевой, так и должностной профиль. Самые низкие показатели готовности сменить свою профессию проявили молодые работники в сфере ИТ-коммуникаций — 9 %, здравоохранения — 12,8 %, государственного и муниципального управления — 15,2 %. Самые высокие — в сфере оптовой и розничной торговли — 36,5 %, транспорта и связи — 32,5 %, обрабатывающего производства — 32 %.

В должностном разрезе лишь 16,1 % специалистов проявили готовность сменить профессию, среди рядовых работников таких более чем в два раза больше — 35,8 %.

Рассмотрим в отраслевом разрезе выделенную нами триаду факторов, обеспечивающих удовлетворенность профессией.

Выявлена достаточно интересная, но реалистичная картина: работники ИТ-отрасли и финансов и страхования лидирует и по оплате, и по индикатору «постоянно развивается», и по индикатору «пользуется уважением». Что касается, например, работников сферы здравоохранения, то они, являясь лидером по индикаторам «пользуется уважением» и «постоянно развивается», явно среди отстающих по показателю «хорошо оплачивается».

Становится понятно, что приверженность рабочей профессии, с одной стороны, предполагает интерес к ее содержанию, социальному признанию и престижности, с другой — не имеет жесткого материального измерения.

Должностная позиция работающего молодого человека и проблемы социального неравенства

Выбор объекта нашего исследования — работающая молодежь — придает особое значение социальному неравенству на работе, прежде всего функционально-содержательному аспекту социальной дифференциации трудовой деятельности.

В этом разделе мы ставили перед собой две задачи.

Первая — изучить функционально-содержательный аспект социальной дифференциации (и ее последствия) между рядовыми работниками и специалистами, являющимися, безусловно, наиболее представительными группами молодых работников.

Мы акцентируем внимание на социальных различиях и их последствиях между рядовой, вспомогательной деятельностью (рабочий на стройке, продавец магазина, лаборант, медсестра, секретарь) и интеллектуально сложной деятельностью (техник, инженер, врач, конструктор, программист и т.п.), связанной с проектированием, расчетами, в том числе процессов, которые выполняет рядовой работник.

Эти различия не совпадают полностью с уровнем образования. Среди рядовых работников нередко встречаются лица с высшим образованием. И, наоборот, среди техников, инженеров, менеджеров — лица со средним техническим образованием.

Вторая задача — проанализировать факторы, механизмы продвижения молодых работников по работе, прежде всего выдвижения на должность руководителя. Решение этой задачи позволит ответить на вопрос о том,

кто и благодаря каким качествам в нашем народном хозяйстве становится молодым руководителем, получает в свое распоряжение важнейший социальный инструмент — власть над подчиненными.

Социальная дифференциация рядовых и специалистов происходит по нескольким направлениям.

Начнем с анализа монетарного неравенства.

Среди рядовых 13,3 % оценили свой уровень жизни как близкий к нищете (среди специалистов — 5 %), позволяют себе делать сбережения 22,1 % рядовых и 42 % специалистов (!)

Особое внимание привлекает социальная дифференциация содержания трудовой деятельности.

Таблица 5

Мнение работающей молодежи о содержании своей работы (скорее согласны + полностью согласны), в % ко всем опрошенным

Моя работа	Кем вы работаете	
	Рядовые	Специалисты
Состоит из однообразных занятий	51,5	36,5
Требует творческого подхода	38,9	65
Мне представлена большая свобода в выборе путей решения задач	40	59,7
Постоянно нужно что-то изобретать	27	41,2
Постоянно возникает необходимость осваивать что-то новое, получать новые знания	39,5	68,4

Приведенные данные свидетельствуют о содержательно-функциональном неравенстве между работниками, преимущественно исполнительно-вспомогательного, нередко физического труда, и труда, преимущественно умственного, организующего, проектирующего, программирующего и т.п. (табл. 5).

Такое неравенство (ранее его называли неравенством между физическим и умственным трудом) в решающей степени предопределяют (в виде важнейших социальных последствий) формирование отношения к работе, профессии, удовлетворенность жизнью.

Среди тех, кто скорее согласен и полностью согласен с тем, что его работа состоит из однообразных занятий, 54 % молодых работников смотрят в будущее со страхом и отчаянием или с тревогой и неуверенностью. В целом по выборке такие чувства испытывают всего ≈ 10 %, т.е. в 5,5 раз меньше.

Какие же факторы значимо дифференцируют молодых работников по должностным позициям «рядовой — специалист — руководитель» (табл. 6)?

Таблица 6

Регрессионная модель предикторов должностного положения

$R^2 = 0,454$		Значимость модели 0,000
Предиктор	Коэффициент Бета	Коэффициент значимости
Наследуемые факторы		
Пол	0,125	0,00
Отец	0,064	0,050
Приобретенные факторы		
Уровень образования	0,508	0,00
Кластер трудоустройства	-0,091	0,001
Индекс «профессия хорошо оплачивается»	-0,095	0,03
Индекс «профессия пользуется признанием»	0,49	0,00
Удовлетворенность профессией	0,100	0,001
На работе учитывают ваши материальные интересы как молодого человека	-0,056	0,036
Личностные факторы		
Необходимо сделать то, что тебе выгодно	0,076	0,00
Лучше жить материально скромно	-0,074	0,003

Зависимая переменная: кем вы работаете (рядовой — специалист — руководитель)?

Главное из анализа приведенных значимых предикторов было ожидаемым — уровень образования играет огромную роль в дифференциации рядовых и специалистов (и выше). Также ожидаемым был и тот факт, что представительницы слабого пола чаще становятся специалистами.

Вторыми по значимости были предикторы, связанные с профессией: специалист (и выше) чаще ориентируется на социальную значимость, социальное признание своей профессии. Для специалиста (и выше) очень важно быть удовлетворенным своей профессией. Для рядового работника важно, чтобы труд по выбранной профессии хорошо оплачивался.

Обращают на себя внимание механизмы трудоустройства. Так, чтобы занять позицию рядового работника, не требуется особых рекомендаций, аттестатов — трудоустройство специалиста предполагает наличие комплекса условий. Кроме образования, личных профессиональных успехов, требуется и содействие родственников, близких. Соответственно проявляется «роль отца» как фактора деятельности (трудоустройства) специалиста (и выше).

Среди всех опрошенных молодых работников 36,2 % признали значимую роль в трудоустройстве, назначении на нынешнюю должность содействия родственников, близких. Но если среди респондентов, чьи отцы рядовые работники, отметили как высокосignificant роль этого фактора 32 %, то среди детей, чьи отцы руководители, — почти в полтора раза больше (46 %).

Выявлены и особенности внутреннего мира, мотивации рядовых и специалистов. Рядовые, в отличие от специалистов, стремятся жить без особых тревог, забот, волнений и не стремятся достичь как можно большего. При этом они уверены, что необходимо «делать лишь то, что тебе выгодно». Штрихи духовно-мотивационных портретов рядовых и специалистов дают нам дополнительные аргументы для понимания роли внутреннего мира личности, сыгравшего немалую роль в социальной стратификации.

Таблица 7

Регрессионная модель предикторов служебно-властного продвижения

$R^2 = 0,261$		Значимость модели 0,000
Предиктор	Коэффициент Бета	Коэффициент значимости
Наследуемые факторы		
Селянин/горожанин	0,115	0,002
Местный/приезжий	-0,119	0,01
Приобретенные факторы		
Уровень образования	0,27	0,427
Насколько образование соответствует специальности	-0,120	0,00
Кластер трудоустройства: 1 кластер — знакомства, образование и проф. активность... — 3 кл. — ничего	-0,159	0,00

Окончание таблицы 7

Профессия престижная	0,135	0,00
Профессия широко востребована	-0,111	0,001
У работников этой профессии зарплата выше	0,065	0,05
Удовлетворенность профессией	0,124	0,00
На вашей работе содействует вашему росту	0,086	0,009
Кем вы считаете себя в организации	0,129	0,00
От молодого работника ждут «свежего взгляда»	0,121	0,00
Личностные факторы		
Необходимо делать то, что тебе выгодно	-0,168	0,00
На работе следует делать самый минимум	0,092	0,005
Если на работе в чем-то преуспел, надо поделиться	-0,086	0,005

Зависимая переменная: стала ли ваша нынешняя должность должностным повышением (1 — определенно нет, 5 — определенно да)?

Так, различия между респондентами в аспекте должностного продвижения фактически отсутствуют по признаку уровня образования: уровень подчиненных ничем не уступает уровню образования руководителей. Отсутствуют различия и по признаку соответствия образования профилю специальности — здесь мы видим отрицательную связь.

Существенную роль среди наследуемых факторов играет то, откуда родом молодой выдвиженец, прежде всего руководитель. Среди опрошенных молодых руководителей все горожане, получили свое школьное образование в среднем или крупном городе. Фактически все местные (по выборке в целом местных 76,3 %).

Объяснение такой локализации молодых руководителей, социального неравенства селян и приезжих, их малых шансов в молодые годы выдвигаться, занять в том числе властно-руководящие позиции, можно найти в факторах (кластерах) трудоустройства на нынешней должности, в том, что сыграло решающую роль в трудоустройстве.

Вероятность продвижения молодого работника на высокую должность гораздо выше в том случае, когда реализуется совокупность капиталов, которым обладает респондент, включая как достиженчески-профессиональные содержания, так и наследуемо-аскриптивные, социально-клано-

вые (связи, содействие родственников и близких). По свидетельствам самих респондентов, особую роль играет сочетание трех факторов: «содействие, рекомендации родственников, близких», «отзывы о моих человеческих качествах, умении выстраивать отношения с людьми», «мои профессиональные достижения».

Использование родственных, дружеских (и других непрофессиональных) связей является, как показало исследование, достаточно распространенным явлением в российском обществе: 36 % всех опрошенных отметили, что использовали этот социальный инструмент трудоустройства. Но в трудоустройстве руководителей его применяли в каждом втором случае, при этом в 4/5 случаев этот инструмент, по признанию самих молодых руководителей, сыграл очень большую роль (у подчиненных лишь в 1/2 случаев).

Отмечая данный факт всеобщей распространенности содействия родственников при трудоустройстве, следует учесть следующие моменты. Во-первых, чем выше в иерархии полученная должность, тем сильнее проявляется эта связь. Во-вторых, чем выше статусно-должностная позиция родителя(-ей), тем с большей вероятностью будет задействована родительская протекция.

Выявленная на массиве молодых работников тенденция позволяет выдвинуть гипотезу, касающуюся статусного продвижения в современной России: по мере продвижения к вершине статусно-иерархической пирамиды усиливается значение социального капитала, в том числе в его родственно-клановом варианте, увеличивается частота и сила его использования.

Однако помимо кланово-традиционалистских инструментов огромную роль, как показывает исследование, играют особенности специальности (престижность, более высокая оплата, чем у работников других специальностей) и, наконец, личностные, морально-трудовые факторы развития молодого человека. Социального продвижения добивается тот, кто считает, что «надо делать лишь то, что тебе выгодно», активно занимающийся профессиональным самообразованием, но при этом, между прочим, не стремящийся делиться с коллегами своими знаниями, наработками, ноу-хау.

Социальная стратификация работающей российской молодежи

Как уже было отмечено, в настоящей работе мы используем многомерный подход к выделению социальных страт. Такая многомерность, имея в своей основе не один, а несколько критериев, предполагает ранжирование индивидов «в общей социальной иерархии обобщенно,

а не в каком-нибудь специфическом контексте» (Парсонс 1992б: 233). В этой связи, говоря об иерархии положений в обществе, мы имеем в виду группу положений, «которые может совмещать в своем лице один индивид» (Дэвис 1992: 139).

Так, в нашем случае в качестве критериев-показателей стратификации выступают проанализированные в предыдущих разделах такие «классические» параметры, как материально-имущественное положение, уровень образования, характеристики профессии и авторитетно-властной позиции (должность).

Кластерная стратификационная группировка исследуемых осуществлялась с учетом двух принципов стратификации, о которых говорил П. Бурдьё: по объему (числу) капиталов-показателей и по структуре (соотношению, весу) этих капиталов (Bourdieu 1998).

С учетом молодежного характера объекта исследования материально-имущественные характеристики были дополнены, в частности, показателем «материальная помощь семье».

Каков же социальный портрет страт работающей молодежи (табл. 8)?

В высшую страту попали, как и следовало ожидать, 2/3 молодых руководителей, каждый второй специалист и, что в какой-то степени неожиданно, каждый четвертый представитель рядовых работников. Среди офисных работников 51,4 % отнесены к высшей страте, среди производственников — 31,3 %.

В низшей страте оказалась половина всех исследованных молодых рядовых работников и лишь каждый десятый опрошенный специалист.

Характерен профессионально-отраслевой профиль страт. В высшей страте (при среднем показателе 42,5 %) оказались 2/3 всех опрошенных молодых работников государственно-муниципального управления. Среди работников IT-индустрии и финансистов этот показатель ниже — 60,5 и 57,9 % соответственно. В низшую страту (при среднем показателе 25,4 %) попали 43,8 % молодых работников, занятых в сфере ремонта и бытового обслуживания и около 1/3 из таких сфер, как строительство, торговля, транспорт и связь, мелкая и пищевая промышленность.

Анализ социально-профессионального состава работающей молодежи убедительно демонстрирует принципиальное отличие многомерного социологического подхода к социальной стратификации от одномерно-экономического, классового подхода.

Кластерная стратификация исследованной работающей молодежи свидетельствует, что уровень материального благосостояния дифференцирует страты в меньшей степени ($3: 3,7 = 0,81$), чем уровень образования ($0,76$), тем более должность ($0,66$). Наиболее ощутимая дифференциация

Таблица 8

**Кластерная модель социальной стратификации (неравенства)
работающей российской молодежи (метод К-средних)**

Характеристики (индикаторы)		I кластер	II кластер	III кластер
I	Материальное положение			
	1. Уровень благосостояния (само-оценка) (от 1 до 5)	3,7	3,3	3
	2. Денежная помощь родителей (от 1 до 5)	1	3,8	1,5
	3. Возможность делать накопления (от 1 до 5)	3,5	3	2,4
II	4. Уровень базового образования			
	1) школа (9 кл.) — 2) школа (11 кл.) — 3) ПТУ — 4) техникум — 5) вуз	5	4,7	3,8
III	5. Должностное положение 1 — рядовой, 2 — специалист, 3 — руководитель	1,8	1,6	1,2
IV	Характер профессии			
	6. Хорошо оплачивается (индекс от 1 до 5)	3,8	3,3	2,6
	7. Пользуется в обществе признанием (индекс от 1 до 5)	3,8	3,3	2,5
	8. Постоянно развивается, требует творчества (индекс от 1 до 5)	3,9	3,6	2,5

страт выявлена по показателям профессии, которой занят респондент (0,65), особенно таким показателем, как «постоянно развивается, требует повышения профессиональных знаний» (2,5:3,9 = 0,64). И это следует учесть при осмыслении проблем социальной дифференциации среди работающей молодежи.

Перейдем к анализу предикторов (факторов) социальной стратификации (независящей от выборки).

Приведенная в таблице 9 регрессионная модель в какой-то мере интегрирует проведенный анализ факторов мононеравенства. В то же время интегральный портрет социального неравенства позволяет выделить

Таблица 9

**Регрессионная модель предикторов социальной стратификации
(социального неравенства)**

$R^2 = 0,320$		Значимость модели 0,000
Предиктор	Коэффициент Бета	Статистическая значимость
Наследуемые факторы		
Отец	-0,126	0,000
Родители рассказывали о своих делах, успехах на работе	-0,060	0,036
Приобретенные факторы		
Соответствие образования профилю работы	-0,063	0,037
Удовлетворенность профессий	-0,150	0,000
Трудоустройство: 1) связи + образование; 2) образование; 3) ничего	0,080	0,006
На работе содействует служебному росту	-0,093	0,010
На работе созданы условия для раскрытия способностей	-0,126	0,004
Желание сменить место работы	-0,086	0,000
Удовлетворенность карьерой	-0,079	0,024
Личностные факторы, ценностные предпочтения		
Образованность, культурные установки, правила, которых придерживаются	-0,089	0,002
Если работаешь профессионально, — то благополучие обязательно будет	-0,061	0,036

Зависимая переменная: кластерная модель социальной стратификации трудовой молодежи (1 — высокий, 2 — средний, 3 — низкий уровни).

главные определяющие дифференциалы социального неравенства работающей молодежи.

Главным дифференциалом является профессия, точнее удовлетворенность ею. Но удовлетворенность профессией должна сочетаться, как показывают данные (табл. 9), с созданием условий на работе для раскрытия

способностей, а также ценностным приоритетом «образованность, культурный кругозор».

Вместе с этими приобретенными факторами в качестве одного из ведущих факторов выступает служебно-должностной статус отца.

Регрессионная модель эмпирически-фактуально вскрывает глубокое противоречие, которое лежит в основе социального неравенства современной российской работающей молодежи. По сути, в основе процесса социальной дифференциации лежит антагонизм приобретенных факторов, сложность и ответственность профессии, создание благоприятных условий для развития работника на работе, его ориентированность на образование и служебно-должностное положение отца (родителя) в обществе.

Такое противоречие преодолевается в социальном успехе тех, кто обладает профессией, и на работе ему создают условия, и отец, его служебное положение в той или иной форме этому содействуют. В то же время противоречие резко обостряется, если молодой работник обладает или приобретенными качествами, или отцом с высоким статусом. Что сыграет решающую роль? Как мы предположили при анализе должностного продвижения молодого работника, чем выше статус в должностной иерархии, тем выше вероятность в российском обществе влияния знакомств, родителей и других традиционалистски-клановых факторов.

Проведенная по базовым критериям стратификация работающей молодежи получила свое убедительное подтверждение в ходе анализа духовно-эмоциональных переживаний, настроений, присущих представителю различных страт (т.е. по производным критериям стратификации).

Так, на вопрос «Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом» (от 1 до 9), имеют высокий уровень удовлетворенности (8+9) среди представителей высшей страты 44 %, средней — 29 %, низкой — 17,9 % ($\eta^2 = 0,124!$). Жизнь в этом городе (от 1 до 5) удовлетворены (4+5) 77 % представителей высшей страты, 65,2 % — средней страты и 41,4 % — низкой.

Интересен социально-профессиональный портрет удовлетворенностью жизнью представителей высшей страты. Среди рядовых молодых работников, отнесенных к высшей страте, 40,1 % отметили высокую удовлетворенность, среди специалистов — 42 %.

Дисперсионный анализ выявил: представители различных страт в разной степени оценивают успешность своей карьеры ($\eta^2 = 0,179!$).

Приведенные данные свидетельствуют о различном тоне настроений среди представителей разных страт: 15 % респондентов низшей страты

смотрят в будущее или со страхом и отчаянием, или с тревогой и неуверенностью; среди высшей страты таких в два раза меньше — 7,5 %. Наоборот, среди представителей высшей страты в будущее смотрят с надеждой и оптимизмом 55,7 %, среди низшей — 32,3 %, т.е. в 1,7 меньше.

Причем оптимизм в одинаковой степени характерен как для молодых специалистов, отнесенных к высшей страте (54,5 %), руководителей (52,6 %), так и для рядовых работников, отнесенных к высшей страте (51%).

Как можно увидеть, выделенные нами страты молодых работников объединяют респондентов не только по базовым признакам стратификации (уровень жизни, образование, престиж профессии и должностных (властных) позиций, но и характеризуются общими для всех представителей страты настроениями, образом мыслей и т.д.

Рассматривая духовно-нравственные особенности представителей различных страт, изучая их образ жизни и установки, особенно следует обратить внимание на ценностные ориентации, характерные для различных страт трудовой молодежи, — те правила, которыми они руководствуются, и даже на общность морально-психологического портрета представителей различных страт.

Корреляционный анализ (приводятся значения с коэффициентами $<0,200$) показал, что существенно различаются по своему ценностно-нормативному облику представители различных страт трудовой молодежи в их оценке значимости «интересной работы» (0,200), «образованности, культурного кругозора» (0,207), уверенности в том, что «если делаешь дело профессионально, то материальное благополучие обязательно будет» (0,216), убеждения, что «молодой специалист должен прежде всего думать о росте квалификации» (0,200). Особые различия между стратами обнаружены по различным морально-психологическим (само)характеристикам. Особенно это касается способности «как следует постараться, и всегда находить решение» даже сложных проблем (0,286).

И вновь выявлено, что эти черты духовного мира представителей различных страт характерны в равной мере всем респондентам, отнесенным к той или иной страте, независимо от того, кем они работают, селянин он или горожанин (по происхождению), приезжий или местный. Так, возьмем ценностную ориентацию «образованность, культурный кругозор». Среди респондентов, отнесенных к высшей страте, считают, что это «очень важно» или «скорее важно» 82,4 % рядовых работников, 91,7 % специалистов, 84,3 % руководителей, 82,3 % респондентов, закончивших школу в селе (селяне), 89 % «горожан», 86,5 % приезжих и 89,8 % местных.

Последние данные еще раз свидетельствуют о внутренней гомогенности выделенных страт работающей российской молодежи. Тем самым еще раз подтверждаются особенности многомерного (а не одномерно-экономического, лежащего в основании классового деления общества) стратификационного анализа социального неравенства. Выделяются слои, имеющие более или менее равные материальные условия, уровень образования, престижность профессии и должностные (властные) особенности. В эти слои могут входить представители различных социально-профессиональных групп, обладающие схожими ценностно-нормативными установками, образом мыслей, стилем и уровнем жизни.

Заключение

Многоплановое исследование социального неравенства среди работающей российской молодежи, включавшее как моноисследования неравенства по ключевым социальным аспектам, так и многомерное выделение основных социальных слоев (страт) российской молодежи, позволило решить две основные проблемы: проанализировать своеобразие социального неравенства среди работающей молодежи и, в качестве основной, изучить генезис, становление процесса формирования социального неравенства в российском обществе, которое во «взрослом» обществе может проявляться в «снятом» виде.

Современная российская работающая молодежь в плане материального положения слабо поляризована, достаточно благополучна. В то же время выявлено особое значение профессии в развитии уровня материального благополучия в сочетании с фактором внимания организации к развитию работника.

Особо следует обратить внимание на то, что среди современной российской молодежи ее материальное положение слабо (статистически незначимо) связано с уровнем образования. Это указывает на то, что в современных условиях важен не столько сам по себе уровень образования, сколько овладение востребованными профессиональными компетенциями.

В этом свете по-новому видится проблема доступности образования как важного критерия социального неравенства. Исследование показало, что в современных условиях размывается грань между образовательным уровнем и занимаемой социальной (в том числе должностной) позицией. Среди рядовых работников половина закончила техникум, а каждый шестой — вуз. Уровень образования наиболее чувствителен к статусно-должностному положению родителей. При этом речь идет в том числе о культурном влиянии семьи в формировании мотивации к образованию, в выборе профессии.

Престижность профессии определяется современной трудовой молодежью на основании следующей триады: достойная оплата — интересное и творческое содержание, требующее профессионального развития, — социальное признание и уважение к людям этой профессии. В целом выявлено, что профессиональный аспект изучения социального неравенства носит безусловно меритократический характер, роль наследуемых факторов мало приметна.

Должностная позиция оказывает существенное влияние на авторитетно-властное неравенство. Для трудоустройства на более высокие должности требуется комплекс условий: и образование, и личные профессиональные успехи. При этом обнаруживается тенденция, которая, как мы считаем, во «взрослом» обществе становится ведущей в трудоустройстве на нерядовые должности — «содействие родственников и близких».

Многомерный анализ социального неравенства позволил выделить три основных стратификационных слоя работающих молодых людей, имеющих сходный уровень материального благополучия, близких по уровню образования, социальной престижности профессии, авторитетно-властному аспекту должностного положения. В страты входят представители различных социально-профессиональных групп: в высшую страту вошли 2/3 молодых руководителей, каждый второй специалист и каждый четвертый рядовой работник.

Схожесть уровня жизни, образования, социальной престижности профессии порождает и сходство ценностно-нормативного мира, уровня удовлетворенности жизнью и уровня оптимизма/пессимизма.

Решающую роль в отнесении к той или иной страте играют два ведущих фактора — профессия, точнее удовлетворенность профессией, и служебно-должностной статус отца.

Проведенное исследование социального неравенства и стратификации работающей молодежи вскрывает взаимодействие и глубокое противоречие двух систем факторов, которые в генезисе проявляются уже в деятельности молодых работников: противоречие между меритократическим, достиженческим началом и традиционалистскими, клановыми элементами в развитии современного российского общества. Вместе с тем нет оснований для утверждения о безусловном доминировании традиционалистски аскриптивных наследуемых факторов в механизмах формирования социального неравенства применительно именно к современной российской работающей молодежи. Профессиональная компетентность, увлеченность интересной работой, нацеленность на качественную работу, приоритетность образованности и т.п., наряду

с наследуемыми факторами, прежде всего, должностным положением родителей, их материальной помощью, являются органичными чертами образа жизни и мысли молодежи, достигшей социальных преимуществ. Это дает основание характеризовать сложившуюся модель формирования социального неравенства работающей молодежи как симбиотически переходную.

Выражение благодарности

Авторы выражают особую благодарность Петляковой Анастасии за помощь в обработке данных.

Литература

Вебер М. (1992) Класс, статус и партия. Белановский С.А. (ред.) *Социальная стратификация*. Вып. 1. М.: ИНП РАН: 19–38.

Гнатюк А.Н., Гнатюк М.А., Самыгин С.И. (2018) Проблемы трудовой занятости современной российской молодежи. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 6: 1–7.

Гнатюк М.А., Печкуров И.В. (2015) Ключевые риски трансформации трудовых ценностей российской молодежи и их социальные последствия. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 7(8): 97–102.

Дука С.И. (2005) Социальная стратификация информационного общества: сравнительный анализ. Бороноев А.О. (ред.) *Проблемы теоретической социологии*. Вып. 5. СПб.: Астерион, 2005: 211–226.

Дэвис К. (1992) Концептуальный анализ стратификации. Белановский С.А. (ред.) *Социальная стратификация*. Вып. 1. М.: ИНП РАН: 138–159.

Дэвис К., Мур У. (1992) Некоторые принципы стратификации. Белановский С.А. (ред.) *Социальная стратификация*. Вып. 1. М.: ИНП РАН: 160–177.

Мухина К.С. (2017) Депрофессионализация российской молодежи: институциональные факторы воспроизводства. *Гуманитарий Юга России*, 6: 242–250.

Осипова Д.В. (2009) Особенности гендерных представлений современной молодежи. *Управленческое консультирование*, 4: 200–209.

Падиарова А.Б. (2009) Социальное неравенство как фактор здоровья нового поколения россиян. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 1: 2–12.

Парсонс Т. (1992a) Аналитический подход к теории социальной стратификации. Белановский С.А. (ред.) *Социальная стратификация*. Вып. 1. М.: ИНП РАН: 114–137.

Парсонс Т. (1992b) Социальные классы и классовый конфликт в свете современной социологической теории. Белановский С.А. (ред.) *Социальная стратификация*. Вып. 1. М.: ИНП РАН: 230–242.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. (1996) *Социальная стратификация*. М.: Аспект-Пресс.

Сериков А.В. (2020) Радикализм и экстремизм в российской молодежной среде в контексте избыточных социальных неравенств. *Гуманитарий Юга России*, 9(6): 68–79.

Сорокин П.А. (2005) *Социальная мобильность*. М.: Академия.

Тихонова Н.Е. (2014) *Социальная структура России: теории и реальность*. М.: Новый хронограф.

Уорнер У.Л. (1997) Социальный класс и социальная структура. *Рубеж (альманах социальных исследований)*, 10–11: 42–57.

Цвык В.А. (2009) Социально-профессиональный статус личности и престиж профессии. *Вестник Тюменского государственного университета*, 4: 44–52.

Эфендиев А.Г., Гоголева А.С., Балабанова Е.С. (2017) Тенденции духовно-нравственного развития жителей сел Белгородской области (опыт институционального анализа). *Социологические исследования*, 12: 99–109.

Эфендиев А.Г., Чермошнцева Е.С. (2020) Трудовое поведение современной работающей молодежи: духовно-нравственные основы и практики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(4): 40–73.

Ястребов Г.А. (2011) Характер стратификации российского общества в сравнительном контексте: от «высоких» теорий к грустной реальности. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 110(4): 19–31.

Antonucci L. (2016). *Student lives in crisis: Deepening inequality in times of austerity*. Bristol: Policy Press.

Barber B. (1957) *Social Stratification*. New York: Free Press.

Bourdieu P. (1998) *Practical Reason: On the Theory of Action*. Stanford: Stanford University Press.

Browman A.S., Destin, M., Kearney, M.S., Levine, P.B. (2019) How economic inequality shapes mobility expectations and behaviour in disadvantaged youth. *Nature Human Behaviour*, 3(3): 214–220.

Castellano R., Manna R., Punzo G. (2016) Income inequality between overlapping and stratification: a longitudinal analysis of personal earnings in France and Italy. *International Review of Applied Economics*, 30(5): 567–590.

Hargittai E., Hinnant A. (2008) Digital inequality: Differences in young adults' use of the Internet. *Communication research*, 35(5): 602–621.

Konstantinovskiy D.L. (2017) Expansion of higher education and consequences for social inequality (the case of Russia). *Higher education*, 74(2): 201–220.

O'Reilly J., Smith M., Villa P. (2017) The social reproduction of youth labour market inequalities: the effects of gender, households and ethnicity. In: Grimshaw D., Fagan C., Hebson G., Tavora I. (eds.) *Making work more equal: A new labour market segmentation approach*: 249–267.

Runciman W.G. (1974) Towards a Theory of Social Stratification. In: Parkin F. (ed.) *The Social Analysis of Class Structure*. London: Tavistock Publications: 55–102.

Wright E.O. (2005) Foundations of a Neo-Marxist Class Analysis. In: Wright E.O. (ed.) *Approaches to class analysis*. New York: Cambridge University Press: 4–30.

Источники

Зарплатный пик в России наступает в 30 лет (2021) *Независимая газета* [https://www.ng.ru/economics/2021-08-03/1_8215_economics1.html] (дата обращения: 25.10.2021).

SOCIAL INEQUALITY OF EMPLOYED RUSSIAN YOUTH: FACTORS AND MECHANISMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Azer Efendiev (efendiev@hse.ru), *Stanislav Rezkii*

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Citation: Efendiev A., Rezkii S. (2022) Sotsial'noye neravenstvo rabotayushchey rossiyskoy molodezhi: faktory i mekhanizmy formirovaniya i razvitiya [Social inequality of employed Russian youth: factors and mechanisms of formation and development]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(2): 176–213 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.8>

Abstract. The study, on the basis of empirical data, provides a multidimensional analysis of the social inequality of employed Russian youth. We analyze the features of this inequality in the areas of economic status, access to educational resources, prestige of the profession and official status of young people. Using a multidimensional approach to social stratification, the main strata of employed youth were also empirically identified. The research focuses on the analysis of factors and conditions that generate social inequality in the ranks of young employees. We identify the main contradictions of the process of social inequality formation and development between meritocratic factors by their nature and traditionalist factors, opportunities that a young person inherits primarily from parents.

Keywords: employed youth, social inequality, social stratification, criteria of social inequality and stratification, factors of social inequality.

Acknowledgments

The authors would like to express special gratitude to Anastasia Petlyakova for her help in data processing.

References

- Antonucci L. (2016). *Student lives in crisis: Deepening inequality in times of austerity*. Bristol: Policy Press.
- Barber B. (1957) *Social Stratification*. New York: Free Press.
- Bourdieu P. (1998) *Practical Reason: On the Theory of Action*. Stanford: Stanford University Press.
- Browman A.S., Destin M., Kearney M.S., Levine P.B. (2019) How economic inequality shapes mobility expectations and behaviour in disadvantaged youth. *Nature Human Behaviour*, 3(3): 214–220.
- Castellano R., Manna R., Punzo G. (2016) Income inequality between overlapping and stratification: a longitudinal analysis of personal earnings in France and Italy. *International Review of Applied Economics*, 30(5): 567–590.
- Davis K. (1992) Kontseptual'nyy analiz stratifikatsii [Conceptual analysis of stratification]. In: Belanovsky S.A. (ed.) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Vol. 1. Moscow: INP RAN: 138–159 (in Russian).
- Davis K., Moore W. (1992) Nekotoryye printsipy stratifikatsii [Some principles of stratification]. In: Belanovsky S.A. (ed.) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Vol. 1. Moscow: INP RAN: 160–177 (in Russian).
- Duka S.I. (2005). Sotsial'naya stratifikatsiya informatsionnogo obshchestva: sravnitel'nyy analiz [Social stratification of the information society: a comparative analysis]. In: Boronoev A.O. (ed.) *Problemy teoreticheskoy sotsiologii* [Problems of theoretical sociology]. Vol. 5. St. Petersburg: Asterion: 211–226 (in Russian).
- Efendiev A., Chermoshentseva E. (2020) Trudovoye povedeniye sovremennoy rabotayushchey molodezhi: dukhovno-nravstvennyye osnovy i praktiki [Labor behavior of modern working youth: values and practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(4): 40–73 (in Russian).
- Efendiev A.G., Gogoleva A.S., Balabanova E.S. (2017) Tendentsii dukhovno-nravstvennogo razvitiya zhitel'ey sel Belgorodskoy oblasti (opyt institutsional'nogo analiza) [Trends of moral development of rural people in Belgorod Region (an institutional analysis)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 12: 99–109 (in Russian).
- Gnatyuk A.N., Gnatyuk M.A., Samygin S.I. (2018) Problemy trudovoy zanyatosti sovremennoy rossiyskoy molodezhi [Problems of employment of modern Russian youth]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanities, Social-economic and Social Sciences], 6: 1–7 (in Russian).
- Gnatyuk M. A., Pechkurov I. V. (2015) Klyuchevyye riski transformatsii trudovykh tsennostey rossiyskoy molodezhi i ikh sotsial'nyye posledstviya [Key risks of labor values transformation of russian youth and its social consequences]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl* [Historical and socio-educational idea], 7(8): 97–102 (in Russian).
- Hargittai E., Hinnant A. (2008) Digital inequality: Differences in young adults' use of the Internet. *Communication research*, 35(5): 602–621.
- Konstantinovskiy D.L. (2017) Expansion of higher education and consequences for social inequality (the case of Russia). *Higher education*, 74(2): 201–220.

Mukhina K.S. (2017) Deprofessionalizatsiya rossiyskoy molodezhi: institutsional'nyye faktory vosproizvodstva [Deprofessionalization of the russian youth: institutional factors of reproduction]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], 6: 242–250 (in Russian).

O'Reilly J., Smith M., Villa P. (2017) The social reproduction of youth labour market inequalities: the effects of gender, households and ethnicity. In: Grimshaw D., Fagan C., Hebson G., Tavora I. (eds.) *Making work more equal: A new labour market segmentation approach*: 249–267.

Osipova D.V. (2009) Osobennosti gendernykh predstavleniy sovremennoy molodezhi [Features of gender representations of modern youth]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniy* [Management Consulting], 4: 200–209 (in Russian).

Padiarova A.B. (2009) Sotsial'noye neravenstvo kak faktor zdorov'ya novogo pokoleniya rossiyan [Social inequality as a factor in the health of a new generation of Russians]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences], 1: 2–12 (in Russian).

Parsons T. (1992a) Analiticheskiy podkhod k teorii sotsial'noy stratifikatsii [An analytical approach to the theory of social stratification]. In: Belanovsky S.A. (ed.) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Vol. 1. Moscow: INP RAN: 114–137 (in Russian).

Parsons T. (1992b) Sotsial'nyye klassy i klassovyy konflikt v svete sovremennoy sotsiologicheskoy teorii [Social classes and class conflict in the light of modern sociological theory]. In: Belanovsky S.A. (ed.) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Vol. 1. Moscow: INP RAN: 230–242 (in Russian).

Radaev V.V., Shkaratan O.I. (1996) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: Aspekt-Press (in Russian).

Runciman W.G. (1974) Towards a Theory of Social Stratification. In: Parkin F. (ed.) *The Social Analysis of Class Structure*. London: Tavistock Publications: 55–102.

Serikov A.V. (2020) Radikalizm i ekstremizm v rossiyskoy molodezhnoy srede v kontekste izbytochnykh sotsial'nykh neravenstv [Radicalism and extremism among Russian youth in the context of excessive social inequalities]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], 9(6): 68–79 (in Russian).

Sorokin P.A. (2005) *Sotsial'naya mobil'nost* [Social mobility]. Moscow: Akademiya (in Russian).

Tikhonova N.E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social structure of Russia: theory and reality]. Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Tsyvk V.A. (2009) Sotsial'no-professional'nyy status lichnosti i prestizh professii [Social and professional status of personality and occupational prestige]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 4: 44–52 (in Russian).

Warner W.L. (1997) Sotsial'nyy klass i sotsial'naya struktura [Social class and social structure]. *Rubezh (al'manakh sotsial'nykh issledovaniy)* [Frontier (Almanac of Social Research)], 10–11: 42–57 (in Russian).

Weber M. (1992) *Klass, status i partiya* [Class, status and party]. In: Belanovsky S.A. (ed.) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Vol.1. Moscow: INP RAN: 19–38 (in Russian).

Wright E.O. (2005) *Foundations of a Neo-Marxist Class Analysis*. In: Wright E.O. (ed.) *Approaches to class analysis*. New York: Cambridge University Press: 4–30.

Yastrebov G.A. (2011) *Kharakter stratifikatsii rossiyskogo obshchestva v sravnitel'nom kontekste: ot «vysokikh» teory k grustnoy real'nosti* [The nature of the stratification of Russian society in a comparative context: from “high” theories to sad reality]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions], 110(4): 19–31 (in Russian).